

Б. В. Зейгарник

**ПОНЯТИЯ КВАЗИПОТРЕБНОСТИ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ
В ТЕОРИИ К. ЛЕВИНА¹**

Зейгарник Блюма Вульфовна (1900—1988) - российский советский психолог, доктор психологических наук. Окончила психологическое отделение философского факультета Берлинского университета, ученица Курта Левина. При подготовке диссертации в лаборатории Левина впервые описала эффект преимущественного запоминания незавершенных действий, получивший в мировой литературе название «эффект Зейгарник» (работа была завершена в 1924 г.). Вернувшись в Москву, работала с Л. С. Выготским, А. Р. Лурией. С 1949 г. преподавала психологию в Московском университете. Активно участвовала в создании кафедры нейро- и патопсихологии на факультете психологии МГУ. Создатель отдельной научной дисциплины — экспериментальной патопсихологии.

Сочинения: «Нарушения мышления при психических заболеваниях» (1957); «Патология мышления» (1962); «Введение в патопсихологию» (1969); «Личность и патология деятельности (1971); «Основы патопсихологии» (1973); «Теория личности К. Левина» (1981); «Теории личности в зарубежной психологии» (1982); «Патопсихология» (1986) и др.

По мнению Левина, движущей силой человеческой деятельности является потребность. В его терминологии это звучало так: «Потребности — мотор (механизм) человеческого поведения». Что же понимал К. Левин под потребностью?

Под потребностью К. Левин понимал динамическое состояние (активность), которое возникает у человека при осуществлении какого-нибудь намерения, действия. Так, например, студент слушает лекцию. Причины, заставившие его прийти на лекцию, могут быть различны. Одни пришли, чтобы изучать данный предмет, другие потому, что хотят послушать данного лектора, третьи, чтобы записать конспект для экзамена. Но сам тот факт, что субъект сейчас слушает лекцию, означает собой *совершение намеренного действия*, свидетельствующее о наличии *квазипотребности*. Обозначение потребности как квазипотребности означало для Левина подчеркивание ее социальной обусловленности, т. е. того, что по своей природе она не врожденная и не биологическая, подчеркивание ее динамической характеристики. Иными словами, совершение какой-нибудь деятельности

¹ Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 18—32, 43-51.

означает порождение динамической заряженной системы, возникающей в данной ситуации в данный момент; она не носит ни врожденного, ни биологического характера; она социальна по своему происхождению.

Однако подчеркнем, что социальное не означало для Левина общественно обусловленного. Социальное означало лишь, что потребность возникла в *данный* конкретный момент. При этом К. Левин подчеркивал отличие квазипотребности, возникшей в данный момент, от устойчивых, по его выражению, «истинных» потребностей, как потребность к труду (в терминологии К. Левина, профессиональная потребность, потребность к самоутверждению). При этом К. Левин подчеркивал, что по своему строению и механизмам квазипотребность не отличается от истинных потребностей. Закономерности протекания и действия истинных и квазипотребностей одни и те же; больше того, Левин предпочитал говорить о действиях и поступках, побуждаемых квазипотребностями, так как именно они и являются механизмами нашей повседневной деятельности и потому, что они иерархически связаны с истинными [потребностями] (по терминологии Левина, между обоими видами потребностей существует коммуникация).

... [Например], эксперимент приобретает [для испытуемого] реальный смысл именно потому, что возникает подобная напряженная система. Она может реализоваться по разным причинам, например, один человек приходит в качестве испытуемого, потому что он хочет оказать услугу экспериментатору, другой - потому, что ему самому интересно проверить себя. Но само намерение «быть испытуемым» является механизмом, порождающим квазипотребность.

Следует подчеркнуть, что содержанию потребности К. Левин не придавал значения. Определяющим для него был лишь ее динамический аспект: ее сильная или слабая напряженность, коммуникация с другими потребностями. Содержание же совершенно выпадало из поля его зрения.

Как всякая потребность, квазипотребность стремится к удовлетворению. Удовлетворение же квазипотребности состоит в разрядке ее динамического напряжения. Следовательно, квазипотребность, по Левину, — это некая напряженная система (намерение), которая возникает в определенной ситуации, обеспечивает деятельность человека и стремится к разрядке (удовлетворению).

Доказательству этого положения были посвящены опыты М. Овсянкиной [1].

Эксперимент состоял в следующем: испытуемому дается некое задание — довольно элементарное, например, сложить фигуру из разрезанных частей, нарисовать предмет, решить головоломку. Испытуемый начинает выполнять это задание. То обстоятельство, что субъект принял задание, означает, по Левину, возникновение намерения, напряженной системы

(квазипотребности). По мере того как человек выполняет это задание, т. е. осуществляет свое намерение, эта система разряжается. Завершение выполнения задания означает разрядку системы. Как же это доказать?

Примерно в середине действия, ближе к его концу, М. Овсянкина прерывала испытуемого и просила выполнить его другое действие со словами: «пожалуйста, сделайте это». Испытуемые иногда спрашивали: «А то что, оставить?» Экспериментатор делал вид, что он не расслышал вопроса, и не отвечал на него. Испытуемый брался за второе действие, которое было по своей структуре иным, совершенно непохожим на первое, и заканчивал его. Но в то время когда испытуемый занимался вторым заданием, экспериментатор должен был как-то искусно скрыть остатки материала первого, задания, например, положить газету на этот материал. При окончании второго действия экспериментатор делал вид, что он чем-то занят, искал что-то в столе, подходил к окну, писал якобы и в то же время наблюдал за поведением испытуемого. Оказалось, что в 86% испытуемые возвращались к прежнему, прерванному действию.

Иногда они просто сбрасывали газету и принимались за неоконченное действие, иногда просили разрешение закончить, иногда спрашивали, надо ли закончить первое действие или нет? И К. Левин поставил такой вопрос: «Ну почему же взрослые люди, начав такую “глупую” работу, как складывание фигур, хотят вернуться к ней? Ведь никакого интереса к задаче нет! И отвечал: сам факт, что субъект стал испытуемым, выполнял задание, приводил к возникновению некой квазипотребности. А так как работа не завершена — система не разряжена. И обращение к этому прерванному действию означает, что система, оставаясь заряженной, стремится к разрядке».

В дальнейшем К. Левин пришел к выводу, что если поведение человека определяется формированием квазипотребности, то ее влияние сказывается и в других видах психической деятельности, например мнестической. Поводом послужил следующий факт. Левин сидел со своими студентами в кафе и обсуждал эксперименты, неожиданно он подзывает официанта и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, вон в том углу сидит парочка — что они заказали у вас?» Официант, даже не посмотрев в свою записную книжечку, отвечает: «Это и это». — «Хорошо. А вон та парочка выходит. Что они ели?» И официант начинает неуверенно называть блюда, задумывается. Левин задает своим студентам вопрос: как объяснить, что официант лучше запомнил заказ, который еще не выполнен? Ведь по закону ассоциации официант должен был лучше запомнить то, что было заказано ушедшими людьми: он им подавал, они уплатили (была большая цепочка ассоциаций), а официант лучше запомнил, что заказано, но еще не подано?

И Левин отвечает: «Потому что у официанта нет потребности запомнить то, что заказали уходящие люди. Он их обслужил, они заплатили, а

эти только заказали, он их не обслужил, у него есть потребность к запоминанию заказа».

Было задумано проверить, является ли квазипотребность действительно движущей силой, в данном случае, мнестической деятельности. Были проведены следующие опыты [2]. Испытуемому давалось последовательно 18—20 заданий, половина из них прерывалась, а половина была завершена. Когда испытуемый кончал последнее действие, экспериментатор предлагал ему еще одно и при этом просил, как бы невзначай, сказать, какие задания он выполнил. Испытуемый называл выполненные задания. Вначале они как бы спонтанно, «потоком» вспоминались, а потом испытуемый начинал перебирать в памяти активно. Экспериментатора интересовали именно эти, спонтанно, потоком репродуцированные действия. Оказалось, воспроизведение (В) незавершенных (Н) действий было значительно больше, чем воспроизведение завершенных (З), в среднем это отношение имеет следующий вид:

$$ВН/ВЗ = 1,9.$$

На основании этих экспериментов было выдвинуто предположение, что механизмом воспроизведения может служить неразряженная система. Иными словами, мнестическая деятельность определяется не закрепившимися в прошлом опыте ассоциациями, не количеством повторений, а наличием квазипотребности, намерения. Намерение, представляющее собой некую напряженную динамическую систему, является механизмом любой формы деятельности.

Следует отметить, что проведение подобного рода эксперимента наталкивалось на ряд трудностей. Прежде всего, было очень сложно прервать большое число заданий (9—10) так, чтобы у испытуемого не сложилось впечатления о «сумбурном» характере экспериментальной ситуации. Вначале так и было. Испытуемые с недоверием относились к эксперименту: «что это вы все забираете, отнимаете, хаос какой-то, а не работа». Пришлось экспериментатору поработать изрядно над стратегией эксперимента, над своей моторикой, интонацией. (Вообще экспериментаторы школы К. Левина должны были научиться «играть определенную роль» — роль экспериментатора определенного типа, что не сразу и не всем удавалось.)

Лучшее запоминание незавершенных действий свидетельствует о том, что намерение (квазипотребность), возникшая «в данной ситуации и в данный момент», включено в широкие целостные внутриспсихические области; намерение по своей сути направлено на будущее, и наличие именно напряженной (заряженной) системы, направленной на выполнение действия в будущем, приводило к установлению цели и обуславливало реальную деятельность данного момента — воспроизведения.

Об этом свидетельствуют факты, указывающие, что при изменении цели лучшее воспроизведение незавершенных действий не наступает. Такое изменение цели вызывалось следующим образом. Вместо обычной инструкции, которая, как мы говорили выше, произносится как бы невзначай, дается жесткая инструкция: «Перечислите, пожалуйста, какие задания вы выполнили. Я хочу проверить вашу память». При такой инструкции эффект воспроизведения незавершенных действий перестает действовать:

$$BH/B3 = 1,2.$$

В понятийном аппарате левиновской теории это означает, что намерение выполнить незавершенное действие переставало существовать, возникла новая напряженная система, сформировался новый энергетический резервуар. Возникла необходимость выполнения нового намерения. Интересно отметить, что при этом менялось и само поведение испытуемых: если при первой инструкции, где воспроизведение шло как бы сплошным потоком, взор испытуемых был направлен на экспериментатора, при второй же инструкции выражение лица испытуемых становилось напряженным, они с энергичным выражением лица начинали воспроизводить действия, но вскоре их глаза начинали блуждать по стенам, столу, ища «опору» для воспроизведения, нередко они восклицали: «А, вот что, да, не думал я, что надо будет запомнить» или «Что же вы сразу не сказали мне; хитрая вы, убрали все остатки работы».

Закон лучшего воспроизведения незавершенных действий не действовал также при усталости испытуемых. Если эксперимент проводился с людьми, проработавшими ночь или весь день, то лучшее воспроизведение незавершенных действий тоже не наступало; энергетического состояния у уставших испытуемых не возникало.

В этих же экспериментах обнаружилась еще одна особенность: были выделены разные типы испытуемых: одни были готовы делать все, о чем просит экспериментатор (так называемые «чистые» испытуемые), и другие, которые выполняли задания ради самого задания («деловые» испытуемые).

Главным для К. Левина было положение, что намерение основывается на реальных потребностях. Часто таковыми могут быть более общие потребности, различные у разных людей, например потребность «в реализации принятого однажды решения», которое является естественным следствием определенного жизненного идеала. К. Левин подчеркивал, что действительные потребности — это те, из которых исходит намерение, т. е. потребности, *которые приводят человека к принятию решения в проблемной ситуации*. В качестве такой потребности может выступить потребность понравиться экспериментатору или более общая потребность понравиться человеку, которому было обещано сотрудничество.

Если утверждение, что действительной является потребность, которая ведет к выполнению соответствующего действия в проблемной ситуации, то в ситуации эксперимента это выступает как потребность подчиниться инструкции экспериментатора. Такое подчинение было свойственно «чистым» испытуемым. Единственной причиной, по которой человек рисует «соты» по образцу или занимается отсчитыванием чисел в обратном порядке, — это *требование экспериментатора*. Другие же испытуемые выполняют большинство из предложенных заданий из-за интереса к ним.

Вне специфического экспериментального (и социального) контекста, в котором испытуемому предъявляются задания, не возникает вопроса о каком-либо намерении выполнить большинство из этих действий, если, конечно, они не включаются в более значимое целое.

В приведенных работах [1,2] впервые было высказано положение, что сама экспериментальная ситуация может породить мотив к действию. Правильность этого положения выступила совершенно очевидно в патопсихологических исследованиях [3, 4], когда было показано, что ситуация патопсихологического эксперимента выступает в виде «мотива экспертизы». Но это было значительно позже и в условиях психоневрологической клиники. В 1920-е же годы, когда проводились исследования школы К. Левина, принято было считать, что ситуация эксперимента должна быть максимально «стерильной», что экспериментатор должен быть максимально пассивен. К. Левин восстал против этого, считая, что только при активной роли экспериментатора может быть смоделирована реальная ситуация.

Таким образом, феномен возвращения к прерванному действию и лучшего воспроизведения незавершенных действий послужил Левину доказательством того, что для природы наших психических процессов существенным является их динамика, возникающая в данной ситуации.

Динамическое состояние, напряжение является решающим, а главное, детерминирующим фактором психической деятельности человека. Именно динамическая сторона намерения, а не его содержательная сторона обуславливает выполнение намерения. Не случайно сам Левин назвал свою теорию личности «динамической».

Понятие гештальтпсихологии — психическое явление возникает «здесь и теперь» — было перенесено Куртом Левиным и на детерминацию человеческого поведения.

Понятие возникающей в данный момент квазипотребности как детерминанты человеческого поведения выдвинуло две проблемы: 1) проблему удовлетворения потребности; 2) проблему психологической ситуации — «поля».

Объявив, что источником человеческого поведения является потребность, К. Левин неминуемо пришел к проблеме ее удовлетворения. Ведь в

самом понятии «потребность» уже заложено понятие нужды в чем-то. В чем видел Левин удовлетворение потребности? Исследования М. Овсянкиной и Б. Зейгарник выявили, что удовлетворение потребности состоит в ее разрядке, в изменении динамики состояния. Но на этом К. Левин не мог остановиться, и вот почему. Левин подчеркивал, что возможность формирования квазипотребностей, «потребностей данного момента», является свойством, которое характеризует человеческую деятельность. У животных не может внезапно сформироваться потребность — у них она заложена генетически, а у человека — нет. Известный психолог Гельб афористично говорил, что, по Левину, «бессмысленное действие может осуществить только человек». Величие человека, его специфическая характеристика и состоит в том, что он может сделать то, что для него биологически безразлично. При этом К. Левин подчеркивал особенную важность того, что содержание квазипотребности может быть *различным*. Именно эта характеристика является важной. Внезапное формирование квазипотребности, любой по содержанию, — это специфически человеческое свойство. А если это так, то и удовлетворение потребности у человека происходит иначе, чем у животных, закономерность удовлетворения человеческой потребности должна быть иная. Точно так же, как потребность у животного зафиксирована, так же у него жестко определены и способы ее удовлетворения. Например, хищное животное скорее погибнет, чем станет есть сено, и наоборот, лошадь не будет (во всяком случае, в обычных условиях существования) кормиться при голоде мясом. Способ же удовлетворения квазипотребности у человека носит *гибкий* характер. Курт Левин неоднократно указывал на то, что хотя удовлетворение потребности представляет собой процесс разрядки, однако сам процесс этой разрядки совершается разными путями и зависит от многих условий. Об этом свидетельствовал уже косвенным образом феномен лучшего воспроизведения незавершенных действий, а также опыты Г. В. Биренбаум «О забывании намерений» [5], которые заключались в следующем. Испытуемый выполняет ряд заданий в письменном виде на разложенных перед ним листочках. При этом предлагается подписать каждый лист своим полным именем. Важно, чтобы инструкция о подписи четко подчеркивалась, чтобы создать впечатление, что подпись в данной ситуации важна. Подпись — было то намерение, забывание или выполнение которого подлежало исследованию. Среди разнообразных заданий, которые выполнялись, было задание нарисовать собственную монограмму.

Забывание или выполнение подписи (намерения) зависело от многих факторов. Г. В. Биренбаум были выделены следующие факторы, влияющие на действенность намерения:

1) значимость намерения; 2) эмоциональная окрашенность намерения; 3) степень связи с основной деятельностью; 4) наличная ситуация («психологическое поле»); 5) личностные особенности испытуемых.

Значимость намерения прежде всего зависит от тех истинных потребностей, которые лежат в основе возникновения квазипотребностей, являются их *источником*. Было показано, что в зависимости от силы и направленности такого источника и от наличия противоположно направленных истинных потребностей зависит успешность выполнения намерения.

Намерения могут различаться по степени связи с основной деятельностью испытуемого, которая в эксперименте была представлена выполнением главного задания. Если намерение самым тесным образом связано с основной деятельностью, является ее необходимым компонентом, то оно не забывается почти никогда. Будет ли система намерения изолирована или включена в общую область, зависит от структуры внутриспихических систем, соответствующих главному заданию. Так, если следующие друг за другом главные задания родственны по содержанию, то обычно образуется обширная, динамически относительно единая общая область (соответствующая, например, «задачам со спичками»), в которую обычно включается также напряженная система намерения. Если же ситуация такова, что новое задание не является частью общей области, то намерение забывается. Экспериментами показано, что при переходе к новому по содержанию заданию или неожиданной дополнительной паузе намерение забывается. Так, Г. В. Биренбаум отмечает, что намерение — подпись — почти всегда забывалось при выполнении монограммы, т. е. при выполнении родственного действия. При этом интересен следующий нюанс: если монограмма приобретала характер художественного выполнения (когда испытуемые старались, например, нарисовать *красивую* монограмму), подпись не забывалась. Она забывалась, если монограмма означала лишь начальные буквы имени. Намерение — подпись — занимает уже другое место в этой структуре.

Фактически намерение по своим динамическим свойствам приближается здесь к автоматизированному действию. Для автоматизированного действия характерно распадение при деструкции условий деятельности. Интересно, что значимыми оказываются для выполнения намерения — подписи — такие условия, как сохранение того же цвета и величины листа, определенного промежутка времени. При нарушении любого из этих условий резко ухудшается выполнение подписи. Все это говорит о том, что из относительно самостоятельной цели, действительность которой зависит от силы соответствующей истинной потребности, намерение превращается в подчиненную операцию, к тому же логически не связанную с выполнением основной деятельности. Поэтому при деструкции деятельности проис-

ходит забывание намерения. Это положение Г. В. Биренбаум имеет, на наш взгляд, большое значение для многих теоретических и практических вопросов психологии.

ПОНЯТИЕ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ»

Введение категории «психологического поля» сыграло большую роль не только в системе самого К. Левина, но и в системе социальной психологии. Уже само порождение намерения, квазипотребности становится возможным, если человек что-то совершает в реальной окружающей его ситуации (испытуемый возвращается к прерванному действию, если он его реально выполнял)¹. Иными словами, К. Левин подчеркивал связь квазипотребности с предметом. В формулировке Левина это звучало так: вокруг нас существует мир предметов, которые обладают определенной валентностью.

Прежде чем перейти к критическому анализу «психологического поля», которое представляет собой не объективную реальность, а феноменологический мир, придавая тем самым субъективный характер объективной реальности, опишем эксперименты, с помощью которых К. Левин доказывал существование «психологического поля» и валентности вещей.

Именно при объяснении этого понятия - «психологического поля» К. Левин применяет понятие топологии и гомологии.

Первые его положения о существовании мира вещей с положительной и отрицательной валентностью были отражены в научном фильме «Ханна садится на камень» (1928). В нем рассказывается о маленькой полуторагодовалой девочке, которая предпринимает тщетные попытки сесть на камень. Девочка кружится вокруг камня, прижимается к нему, хлопает по нему ручками, даже лижет его, но не садится. К. Левин объясняет: камень, на который хочет сесть ребенок, имеет для него положительный характер, т. е. притягивает его, а для того, чтобы сесть на камень, надо совершить действие, обратное этой положительной валентности, т. е. отвернуться от камня. Ребенок не может сесть на камень, потому что не в состоянии преодолеть притягивающую силу. Графически К. Левин изображает ситуацию следующим образом:

[+] Камень
P↑ Ребенок

Были проведены и другие опыты для доказательства наличия валентности вещей. Заключались они в следующем: испытуемый приглашался в

¹ У испытуемых, только следивших за ходом эксперимента на прерванное задание, но не выполнявших задание, не наблюдался феномен лучшего воспроизведения незавершенных действий. (Неопубликованное исследование Н. И. Каулиной.)

комнату, в которой на столе были разложены различные предметы: колокольчик, книга, карандаш, шкафчик, закрытый занавеской из свисающих гирлянд бисера, распечатанное письмо и другие объекты.

Испытуемого, которого пригласили якобы с целью исследования его «интеллекта» или «памяти», просили минуточку подождать. «Я забыл, что мне необходимо позвонить», — говорил экспериментатор, выходя из комнаты, а сам наблюдал (через стекло Гизела) за тем, что будет делать испытуемый, оставшись наедине. Все без исключения испытуемые (а это были не только студенты, но и сотрудники Берлинского института психологии — профессора, доценты) производили какие-то манипуляции с предметами: некоторые перелистывали книгу, трогали шкафчик, проводя пальцем по бисерной занавеске; все без исключения позванивали колокольчиком (автор данной книги тоже не составил исключения). К. Левин задался вопросом, почему же взрослые, серьезные люди совершали подобные манипуляции, и отвечал, что в ситуации, в которой субъект не занят осмысленным действием (а для К. Левина это означало, что в данной ситуации у людей не формировалось дифференцированного намерения), поведение становилось «ситуативно обусловленным», «полевым». Это ситуативное, в терминологии Левина, «полевое» поведение носило в данном случае мимолетный характер: позвонив в колокольчик, человек занимался своим делом; некоторые вынимали газету и читали, другие просматривали лежащую книгу, третьи предавались ожиданию. Но для К. Левина было важно установить, что окружающее «психологическое поле», окружающая ситуация таят в себе возможность вызвать действие в направлении предмета с положительной валентностью или уйти от предмета с отрицательной валентностью. Это означает, что субъект с его внутренними заряженными системами и окружающая ситуация («психологическое окружение») составляют единый континуум.

Вводя понятия «субъект» и «окружение», К. Левин подчеркивал, что здесь нет двух аспектов для рассмотрения: один — внутренняя субъективная система намерений, потребностей и другая — внешняя. Хотя К. Левин писал о двух существующих универсумах — «психологическом» и «физикальном», он предлагал их рассматривать не изолированно, а как единое целое. Конечно, не раскрывая социально-общественного характера «окружения», К. Левин оставался неминуемо на позиции взаимодействия и гомеостаза. Но он хотел показать, что всякая потребность (квазипотребность) связана с окружающим миром. В своих лекциях он часто говорил о том, что нет потребности без предмета, способного ее удовлетворить (в его терминологии, физикальные предметы приобретают валентность благодаря существованию или возможности существования потребности). Поэтому он и предложил говорить не отдельно о действующем субъекте и о психо-

логическом окружении, а о включающем и то и другое «жизненном пространстве» индивида.

Конкретное поведение человека является реализацией его возможностей в данном жизненном пространстве. Механизм реализации этих возможностей понимается как психологическая причинность. Именно потому, что поведение человека вытекает из жизненного пространства, в котором человек находится, возможна *предсказуемость* его поведения.

Разработка понятия «психологического поля» шла в разных руслах. Прежде всего следовало определить, какова роль полевого момента в функционировании потребности, в разворачивании действия. Ведь если механизмом намерения, деятельности объявляется потребность, а с другой стороны, эта же потребность может функционировать только в связи с особенностями валентности предмета в «поле», то следует определить роль и значение этой валентности. К. Левин считал, что взаимодействие валентных объектов и потребностей должно быть таково, что валентность вещи должна соответствовать смыслу потребности. Если человек подчиняется в основном смыслу потребности — это действие намеренное. Если же человек подчиняется валентности вещей, за которой не стоит потребность, т. е. если происходит как бы «отщепление» валентности вещи от потребности, то такое поведение не намеренное, не волевое, оно «полевое». К. Левин продемонстрировал это на анализе двух экспериментально созданных ситуаций. Первая из них состояла в следующем. Испытуемый приглашался для «исследования» памяти. Он входил в комнату, в которой помещался стол, накрытый для еды (при этом пища была обильная и изысканная, сервировка стола была тоже хорошей). Экспериментатор обращался к испытуемому со словами: «Нам придется несколько подождать, а пока я вас попрошу сесть за стол и покушать, а я буду наблюдать за вами и записывать». Как правило, реакция испытуемых была отрицательной: люди стеснялись, отказывались, некоторые возмущенно уходили; лишь некоторые из них сажались и ели. Одни после заявляли: «Мне никогда не приходилось так вкусно питаться. Раз уж представилась возможность — воспользуюсь и наемся вдоволь вкусных вещей». Другие говорили: «Я понял, что это какая-то ловушка, ведь, конечно, никого не интересует, как я ем, — ну что же, воспользуюсь и вдоволь поем того, что я в своем студенческом рационе никогда не вижу».

В другом эксперименте участвовали девушки-студентки, играл патефон. Инструкция гласила: «Пожалуйста, пригласите даму и потанцуйте — а я буду записывать». Реакция испытуемых была различной: большинство из них смущались, отказывались, некоторые выполняли инструкцию, они танцевали неуклюже, наступали на ноги девушкам. Однако были и такие испытуемые, которые всматривались в «дам», выбирали хорошенькую девушку и с удовольствием пускались в пляс.

Выводы, к которым пришел К. Левин при анализе экспериментов: часть испытуемых могли стать над «полем» и выполняли действие, намеренное, *опосредованное*. Те же испытуемые, которые испытывали на себе власть «поля», подчинялись ему, были не в состоянии «стать над ним» — не могли совершить намеренного, волевого действия.

Признаки «полевого» поведения часто выступают и в обыденной жизни: например, если вы заметите у стоящего перед вами человека в троллейбусе белую нитку на темном костюме, вы захотите ее снять, хотя, как правило, вы не выполните этого желания. Чаще всего подобные явления выступают в аффективно окрашенных состояниях, когда случайные вещи «лезут в глаза». Подобные факты описаны и в художественной литературе. Вспоминается «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева. Народно-вольцев ведут на казнь, на виселицу, а их руководителя — Сашу страшно беспокоит, раздражает закопченный фонарь. Еще один пример из романа Л. Н. Толстого: Анну Каренину стали раздражать уши Каренина. Следовательно, у взрослых людей может наступить ситуация, когда возникает «полевое» поведение, когда предметы незначимые, не играющие никакой роли, приобретают побудительный характер. Но для этого должна быть ситуация аффективного напряжения. Анну Каренину стали раздражать уши мужа в ситуации отчаяния. До ее драмы с Вронским эти уши ее не раздражали. Вещи начинают «лезть в глаза», привлекать к себе внимание и в иных состояниях, например при большой усталости. К. Левин говорит, что окружающий мир или «поле», в котором существуют предметы с положительной или отрицательной валентностью, тесно связан с квазипотребностями, с их формированием. Это чрезвычайно важное положение, о котором Левин много говорил и писал и которому он позже, в американский период, придавал огромное значение. Валентность предметов, взаимодействуя с квазипотребностями, формирует человеческое поведение. Проблема воли, намеренного, волевого действия (для Левина не было понятия осознанного действия) сводится для Левина к проблеме преодоления сил, существующих в «поле». Таким образом, волевое действие, по мнению Левина, — это такое, которое совершается не под влиянием «поля». В возможности «стать над силами поля» К. Левин усматривал волевое поведение. В своем докладе «Развитие экспериментальной психологии воли и психотерапия», сделанном на Конгрессе психотерапевтов в Лейпциге в 1929 г., К. Левин подчеркивал, что ни ассоциативная теория, ни Вюрцбургская школа не смогли разрешить теории воли, что эта проблема может быть разрешена только в категориях динамической теории. Курт Левин высказывает мнение, что надо отказываться от противопоставления воли «разуму», «побуждению» и от них ее ограничивать, что термином «воля» реально обозначаются весьма различные накопленные в психологии факты и

проблемы, например: решение, намерение, самообладание, ограничение от окружающего мира, собранность, выдержка, сложное или дифференцированное строение целей, целостность структуры действий и многое другое. К. Левин считал, что развитие динамической теории приводит к совершенно другой группировке отнесения тех или иных явлений в единый класс «процессов воли». Для этого необходимо прежде всего экспериментальное исследование волевых процессов как моментов общего вопроса о «душевных силах» и их законах. Для волевого, намеренного действия важно возникновение «душевных сил напряжения», которое в силу их динамического родства с настоящими потребностями К. Левин обозначил как квазипотребности. К. Левин подчеркивает, что намерение может вызвать в известных обстоятельствах соответствующее действительное перераспределение душевных динамических отношений. Но как раз самые важные реальные переструктурирования душевных систем происходят в основном непосредственно под влиянием внешней и внутренней динамической ситуации. «Внезапно приняв решение», человек часто только по совершении действия понимает, что эти внутренние перераспределения (о которых до того он ничего не знал,) действительно имели место.

Литература

1. *Owsiankina M.* Die Wiederaufnahme unterbrochenen Handlungen // Psych. Forschung, 1928, Bd. 10.
2. *Zeigarnik B.* Uber das Behalten erledigter und unerlegter Handlungen // Psych. Forschung, 1927, Bd. 9.
3. *Зейгарник Б. В.* Личность и патология деятельности. М., 1971.
4. *Соколова Е. Т.* Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.
5. *Birenbaum G.* Das Fergessen einer Fornahme // Psych. Forschung, 1931.